
pocket**book**

rocket**book**

ФРАНСУАЗА САГАН

Через месяц, через год

МОСКВА
2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan

DANS UN MOIS, DANS UN AN

© Editions Julliard, Paris, 1957

Перевод с французского *Т. Ворсановой*

Оформление серии *А. Саукова*

Саган, Франсуаза.

С13 Через месяц, через год / Франсуаза Саган ; [пер. с фр. Т. Ворсановой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 160 с.

ISBN 978-5-04-096610-3

В любви иные печали прекраснее восторгов страстей. Никто не знает, почему загораются, почему остывают чувства... Почти полвека герои Франсуазы Саган встречаются, влюбляются, затем расстаются, чтобы встретиться вновь или забыть друг друга навсегда. И почти полвека шелестят страницы книг Саган в руках миллионов читателей.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Ворсанова Т., перевод на русский язык, 2018

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096610-3

О делах подобных не размышляй,
не то сойдешь с ума.

*Шекспир. Макбет,
II акт, II сцена*

Глава 1

Бернар вошел в кафе, на секунду застыл в нерешительности под взглядами немногих посетителей, чьи лица странно искажал неоновый свет, и двинулся к кассирше. Ему нравились кассирши в барах, пышногрудые, полные достоинства, дремотно подающие мелочь и спички. Устало, не улыбнувшись, она протянула ему жетон для телефона. Было около четырех часов утра. Кабина телефона была грязная, телефонная трубка — влажная. Он набрал номер Жозе и только тогда понял, что его вынужденный марш-бросок из конца в конец Парижа, растянувшийся на всю ночь, довел его просто-напросто до такой усталости, что действовал он уже совершенно машинально. Конечно, звонить девушке в четыре часа утра было глупо. Она, разумеется, и намеком не даст понять, что это хамский посту-

пок, но в таком звонке действительно было что-то беспардонное, чего Бернар терпеть не мог. Ее он не любил, это-то и было самое неприятное, но он непременно должен был знать, чем она занята, что делает, и мысль о ней изводила его весь день.

Послышались длинные гудки. Он прислонился к стене и опустил руку в карман за пачкой сигарет. Наконец трубку сняли, и сонный мужской голос произнес: «Алло». И сразу же он услышал голос Жозе: «Кто это?»

Бернар в ужасе застыл, боясь, что она догадается, что это он, боясь быть застигнутым за тем, что сам застиг ее. Это было жуткое мгновение. Он вынул из кармана сигареты и повесил трубку. Опомнился Бернар уже на набережной, он шел, невнятно ругаясь. То, что второй голос прозвучал почти одновременно с первым, успокаивало его, хотя именно это и бесило: «Она ведь, в конце концов, ничем тебе не обязана, ты у нее ничего не просил, она богата, свободна, ты даже не официальный ее любовник». Но он уже не мог избавиться от тревоги и беспокойства, его тянуло

звонить ей каждую минуту, а ведь он надеялся, что это будет самый безоблачный его роман. Бернар вел себя как мальчишка, болтал с Жозе о том о сем, о книгах, провел с ней ночь, и все это как бы между прочим, все это с безупречным вкусом, к чему, надо сказать, весьма располагала квартира Жозе. А теперь ему предстоит вернуться домой и опять увидеть на письменном столе свой плохой роман, страницы, валяющиеся в диком беспорядке, а в постели — свою жену, которая, конечно же, спит. Она всегда спит в это время, повернув свое детское личико к двери, словно боится, что он так никогда и не придет, и даже во сне продолжает ждать его, как ждала целый день, с мучительным беспокойством.

* * *

Молодой человек положил трубку, и Жозе с трудом подавила гнев, охвативший ее в тот момент, когда он подошел к телефону и ответил, будто у себя дома.

— Не знаю, кто это, — недовольно сказал юноша, — но он повесил трубку.

— Почему же тогда «он»? — спросила Жозе.

— Потому что по ночам женщинам обычно звонят мужчины, — зевая, сказал молодой человек. — И вешают трубку.

Жозе с любопытством взглянула на него, пытаясь понять, что же он все-таки здесь делает. Она не знала, почему позволила ему проводить себя после ужина у Алена и уж тем более — подняться затем наверх. Он был довольно красив, но вульгарен и малоинтересен. Куда менее интеллигентен, чем Бернар, даже, пожалуй, менее обольстителен. Молодой человек сел в кровати и взял в руки часы.

— Четыре часа, — сказал он. — Гадкое время.

— Почему гадкое?

Он не ответил, обернулся и пристально посмотрел на нее через плечо. Она ответила ему таким же взглядом, затем потянула на себя простыню, но почему-то замерла. Догадалась, о чем он подумал. Оказавшись у нее дома, он грубо взял ее и сразу же уснул, а теперь спокойно смотрел на нее. Его мало волновало, кто она такая и что сейчас

думает о нем. В эту минуту она просто принадлежала ему. И от этой его уверенности она все сильнее чувствовала в себе не раздражение, не злость, а покорность, огромную покорность.

Он посмотрел ей в лицо и низким голосом велел откинуть простыню. Жозе послушалась его, и он медленно оглядел ее. Лежать так было стыдно, но не было сил пошевелиться, придумать что-нибудь забавное; будь это Бернар или еще кто-то, она бы пошутила и быстро перевернулась на живот. А тут ничего не получится: он не поймет, не рассмеется. Судя по всему, у него уже сложилось о ней вполне четкое представление, незыблемое и примитивное, и он от него ни за что не откажется. Сердце ее тяжело забилося. «Я пропала», — подумала она, почему-то ликуя. Молодой человек с таинственной улыбкой склонился над ней. Она, не мигая, смотрела, как он приближается.

— Должен же телефон на что-то согдаться, — сказал он, резко и торопливо бросаясь на нее.

Она закрыла глаза.

«Я больше не смогу шутить в такие минуты, — подумала она, — и никогда теперь все это не будет происходить так легко в ночной темноте, и я всегда буду помнить этот его взгляд и то особенное, что в нем было».

* * *

— Ты не спишь?

Фанни Малиграсс жалобно вздохнула:

— Да астма все меня мучает. Ален, будь добр, принеси чашку чаю.

Ален Малиграсс с большим трудом выбрался из большой супружеской кровати и закутался в халат. Малиграссы были довольно красивы и влюблены друг в друга долгие годы еще с довоенных времен. Встретившись после четырехлетней разлуки, они обнаружили, что оба изменились и что прожитые каждым из них пять десятилетий не прошли для них даром. И потому были невольно и трогательно целомудренны и старательно скрывали друг от друга отметины прожитых лет. В то же время обоим тянуло к молодежи. О Малиграссах с теплотой говорили, что они любят молодых, и это были

не пустые слова. Они действительно их любили, но не потому, что молодежь развлекала их или им нравилось давать бесполезные советы, нет, им действительно с молодежью было интереснее, чем со сверстниками. Интерес этот, как только представлялся случай, у каждого из них легко конкретизировался, вкус к молодости всегда сопровождался естественной нежной страстью к юной плоти.

Пятью минутами позже Ален ставил поднос на кровать супруги, глядя на нее с состраданием. Ее маленькое личико потемнело и осунулось из-за бессонницы, и только глаза — искрящиеся, быстрые и нестерпимо голубые — оставались по-прежнему прекрасными.

— По-моему, вечер был милый, — сказала она, беря в руки чашку.

Ален смотрел, как она глотает чай, как сокращается ее слегка морщинистая шея, и ни о чем не думал. Потом, сделав над собой усилие, заговорил:

— Не понимаю, почему Бернар всегда приходит без жены. А Жозе, надо сказать, сейчас весьма соблазнительна.

— И Беатрис, — со смешком заметила Фанни.

Ален рассмеялся вместе с ней. Его восхищение Беатрис всегда было у них с женой поводом для шуток. Она и не догадывалась, до какой степени все это стало мучительным для него. Каждый раз после их, как они в шутку говорили, «понеделничных салонов» он ложился спать, весь дрожа. Беатрис была красива и неистова; эти два эпитета мгновенно приходили ему на ум, и он повторял их про себя бесконечно. «Красивая и неистовая»: вот она смеется, пряча свое трагическое, печальное лицо, потому что смех ее не украшает, вот она гневно рассуждает о своей профессии, потому что ей пока не удалось преуспеть. Глупенькая Беатрис, как говорит Фанни. Глупенькая, пусть, но какая трогательная!

Вот уже двадцать лет Ален работал в издательстве, но платили ему немного. Он был очень образован и очень привязан к своей жене. И как эти шуточки насчет Беатрис могли превратиться в такой тяжкий груз, который он поднимал каждое утро, просы-

паясь, и тащил всю неделю, пока не наступал понедельник? По понедельникам Беатрис приходила к очаровательной пожилой паре, то есть к ним с Фанни, и он играл роль деликатного, возвышенного и слегка рассеянного мужчины, которому давно перевалило за пятьдесят. Он любил Беатрис.

— Беатрис надеется получить небольшую роль в новой пьесе Н... — сказала Фанни. — А бутербродов хватило?

Малиграссы должны были как-то выкручиваться, чтобы хватало денег на «понедельники». Новая мода на виски стала для них катастрофой.

— Думаю, хватило, — сказал Ален.

Он сидел на краю кровати, свесив руки между острыми коленями. Фанни нежно и жалостливо посмотрела на него.

— Завтра приезжает твой юный родственник из Нормандии, — сказала она. — Надеюсь, он чист сердцем и великодушен, Жозе наверняка влюбится в него.

— Жозе ни в кого не влюбляется, — сказал Ален. — Может, попробуем поспать?

Он убрал поднос с колен жены, поцеловал ее в лоб, в щеку и лег спать. Ему было